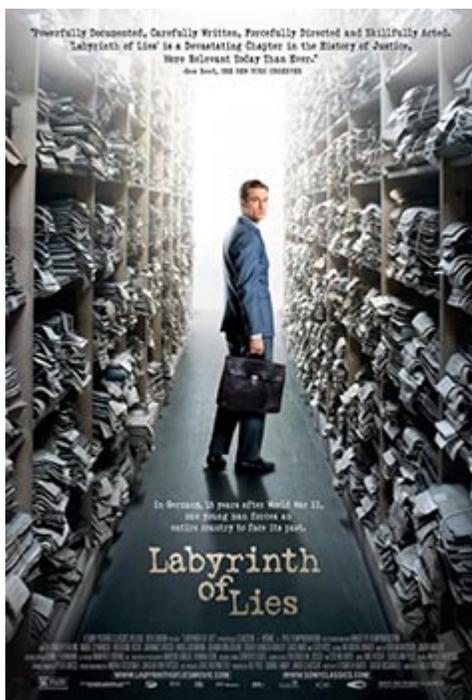

Зачем помянуто старое

«В лабиринте молчания»

Режиссер Джулио Риччиарелли

Германия, 2014, 122 мин.

В 1958 году в одной европейской стране, называется ФРГ, шел еврей по улице вдоль забора и решил закурить. Пожилой учитель, присматривавший на школьном дворе за детьми, протянул ему сквозь забор зажигалку. Еврей узнал в нем охранника своего блока в Освенциме. Ничего себе! С этого-то все и началось.

Еврей пошел в суд: так и так, я узнал бывшего эсэсовца. А прокурор ему: «Так чего вы хотите? Не знаете, что срок давности уже прошел? Убирайтесь отсюда!» Но все это услышал один следователь, честный молодой парень.

У него мелькнуло в голове: «Стоп, за преступления эсэсовцев ведь нет срока давности? Что-то тут не так!» И он стал заниматься этим делом, сначала в свободное время, а потом другой прокурор, не такая сволочь, как тот первый, официально его назначил этим заниматься. Этот второй прокурор раньше боялся выступать, потому что в ФРГ была атмосфера тотального замалчивания, но теперь он увидел, что этот парень не боится, и сам осмелел. На самом деле этот парень был просто молод и наивен. Он не подозревал, какие шишки на него посыпятся. Ведь в 1958 году в ФРГ было полно недобитых фашистов, они всюду занимали козырные должности. Кроме того, когда он потянул за веревочку, то все вокруг оказались нацистами и

эсэсовцами, все буквально. Он раскопал в архивах, что отец его любимой девушки — и тот служил в зондеркоманде. Эта девушка отвечала ему взаимностью, в фильме есть классная сцена, где они занимаются любовью, но когда он сказал ей: «Твой отец типа убийца», она его прогнала. (Вообще-то эта эротическая сцена ни к селу ни к городу, ее вставили на случай, если зрители заскучают от глубокого политического содержания).

По счастливой случайности парню попали в руки списки служивших в Освенциме. Он заказал телефонные справочники со всей ФРГ и стал прямо по алфавиту заводить дела на этих гадов. Но скоро сказка сказывается! Ему со всех сторон совали палки в колеса, даже кинули булыжник в окно: брось, мол, ворошить прошлое! А доброжелатели говорили: «Тебя не поймут! Денацификация давно завершена! Ни одна страна еще не судила своих честных солдат!» Он им: «Ладно, а в НСДАП зачем было вступить?» «А какой другой выход? Будь ты повзрослей, сам бы вступил как миленький!» «Не вступил бы!» Говорить-то он так говорил, а сам засомневался: «Что мне, больше всех надо? Всю Германию пересажать? Все вокруг кайфуют, один я, дурак, гоняюсь за призраками прошлого». Его моральный дух поддерживали только свидетельства узников Освенцима (которых не так легко было заставить говорить, потому что они боялись!) Но вот он вызвал одну пожилую еврейку, фрау Мандельблат, и она такое начала рассказывать! В фильме, правда, ее слова не слышны, вместо них звучит печальная песня на идише. (Отличная режиссерская находка!).

Кроме того, парень надеялся прижучить доктора Менгеле, который в тот период нагло челночил между Бразилией и ФРГ по личным и фашистским делам. Он уже мчался к загородному дому, где гостевал Менгеле, но, как назло, в машине перегрелся мотор. Тогда он побежал за Менгеле по шоссе. Но в это время тот паршивый прокурор позвонил Менгеле по телефону, и садист смылся в Бразилию. Очень напряженная сцена. После этой неудачи парень перешел работать в патентный отдел: тепло, светло, мухи не кусают, булыжники не бросают. А потом вот как получилось. Тот приличный прокурор, и пожилая секретарша, и свидетели-евреи, когда встречали его на улице, все они перестали его замечать. Морально это было тяжелей булыжника! И парень пришел к хорошему прокурору и сказал: «Хочу вернуться в ваш

отдел». Старик молча пожал молодому руку. Фильм кончается началом судебного процесса над палачами Освенцима. В финале идут титры: «Судили 19 человек, осудили 17». Это, конечно, семечки, но дело в том, что процесс стал знаковым. Бывших наци стали выкуривать из всех дыр, как клопов. А хорошие немцы, ну, которые не были замешаны в фашистских делах (ведь такие тоже были!) — до них наконец дошло, какой кошмар творился в этом Освенциме, и они стали в массовом порядке каяться. Это, правда, в фильме не показано, но умный зритель поймет. Я понял.

Мое описание может показаться издевательским, и так, в общем-то, и есть. Вслед за Станиславским хочется сказать каждому кадру этого фильма: «Не верю!» Это не историческая картина, а детский сад. Кто-то возразит: «Что ж, детский сад тоже полезен. Молодежь не знает элементарных фактов». Нет. Простота — не значит профанация. Германия, если она осознала свои грехи, сделала это не оттого, что нашелся новый Гамлет, который увидел, что все прогнило в королевстве датском, и навел там шороху. (Честного следователя, кстати, зовут по фильму Йохан Радман, и такого лица в истории не существовало). Разломы в обществе происходят от сложных причин и проходят по сердцам людей. В окно честного следователя влетел булыжник, но это ничего не меняет: фильм все равно остается холодным, грубым и примитивным, как булыжник.

Однажды Юрий Олеша, кушая телячьи мозги, сказал: «Они такие свежие, как будто теленок ни разу ими не думал». Если мозги современных немецких молодых такие свежие, что этот глупый фильм может их просветить, тогда вопрос: куда смотрели их папы? Были настолько заняты посыпанием своих лысин пеплом, что им не до детей было? Да нет, не такие эти молодые немцы невежды, все они знают и понимают. Не нужен им этот фильм, и не для них он сделан. А для кого? Ни для кого. Даже не для денег: ну сколько зрителей посмотрят эту тухлятину? Он прошел в каких-то отчетах по рубрике: «Тема Освенцима/исторической памяти. Режиссер — маленький. Бюджет — маленький. Для показа на симпозиуме «Пути и методы отрицания отрицания Холокоста». Серьезные, взрослые люди могут посмотреть «Лабиринт» разве что для того, чтобы оглянуться назад и ахнуть: сколько лет прошло после Освенцима! Столько лет, что уже и эта тема пошла на продажу и стала сырьем для конъюнктурщиков.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»